

1. Аида
Дж. Верди

15.07.97
Москва
"Телетекст"

«МН» № 23, 8 - 15 июня 1997 г.

КУЛЬТУРА

Москва, Новосибирск - 1997 - 8 - 15 июня - с 24.

ОПЕРА

Король умер. Да здравствует король!

«Аида» в Большом и в «Геликоне»

Большой театр хотел как лучше: поставить «Аиду», блистая золотом фараонов, бряцая мечами и соблазняя наготой танцующих жриц. Постановку в лучших традициях помпезно-декоративного стиля взялись осуществить режиссер Иркин Габитов и художник Сергей Бархин. Сцену загромодили гигантскими колоннами, водрузили на хористов шлемы римских легионеров и вывели маленьких арапчат. Однако парадный спектакль на забитой декорациями сцене задохнулся, а отсутствие привычного Нила и столь же привычных различий между двором, площадью и гробницей возмутило поклонников «египетского реализма» — роскошный фон для любовного треугольника оперы оказался недостаточно «энойным».

Главным источником масштабности и блеска был хор: сочный, звучный, мощный, как и положено в «Большой опере». Он единственный, кто достоин вокальных лавров Большого, прочие же артисты лишь сделали заявку на будущее. Оправдания нашлись для всех: тенор Сергея Кураева для Радамеса недостаточно драматичен, как и сопрано Елены Зеленской для Аиды; Бадри Майсарадзе, другой Радамес, от волнения форсирует голос; Марина Лапина, вторая Аида, «еще не влезла», а две Амнерис — Татьяна Ерастова и Ольга Терюшнова — пока грубоваты, поют «размазанным» звуком. Дирижер Петер Феранц беспощадно загоняет певцов и не доносит все красоты романтической «книжечки» Верди.

Почему опять провал? Почему нет творческих открытий, которых так ждут преданные поклонники Большого? Все верно: и потолок в театре сыплется, и денег на контрактную систему нет, и певцы разбегутся. Увы, Большой теперь уже не монополист, который в «годы застоя» собирал со всей страны лучшие голоса и одаривал певцов московскими квартирами. Приплатить же мировым звездам, как это делают «Ла Скала» или «Метрополитен-Опера», сегодняшней России явно не по карману. Так, «по одежке протягивай ножки», сердобольная публика могла бы простить Большому «Аидин» грех и с грустью перевернуть еще одну небрежно написанную страничку истории великого театра.

Но нет... Большому бросили перчатку. И кто? Маленький «Геликон», оперный театр, что разместился в бывшем здании клуба медработников на Никитской. Геликоновской «Аидой»

ударил по «Аиде» Большого: одновременно с премьерой на Театральной площади на три спектакля специально из Америки в «Геликон» приехала мировая «звезда» Полетта дьо Вон, темнокожая красавица, блиставшая в роли Аиды на сцене парижской «Гранд-Опера» и «Арена ди Верона». Вместе с ней прибыл и эфиопский царь — немецкий баритон Иоганнес фон Дуйсбург, ученик легендарного Дитриха Фишера-Дискау, входящая «звезда» европейской оперы. Но не ждала московская публика от этих спектаклей ничего, кроме конфуза: великолепное пение «звезды» грозило вполне затмить скромные достижения наших молодых артистов.

Однако свершилось чудо. Все стали свидетелями рождения подлинно современной «Аиды», новаторского спектакля о любви и тоталитарном насилии, о несовместимости упоенного собою

него форсирования голосов, что могло бы стать темой отдельного трудного разговора. При этом некоторые исполнители, например бас Леонид Зимненко (Рамфис), и на фоне «звезды» выглядят вполне достойно. В результате блестящее творческое решение спектакля, эпизудизм всех его участников в союзе с музыкой Верди превратили «Аиду» Дмитрия Бертмана в культурное событие столичной жизни. Даже без Полетты дьо Вон и без Иоганнеса фон Дуйсбурга. (Кстати, Полетта дьо Вон, получающая за спектакль 40 000 долларов, увидев запись «Аиды» на видеокассете, загорелась желанием спеть именно в этой постановке, и выступила в Москве без всякого гонорара.)

«Аида» в «Геликоне» вновь ставит извечный вопрос: опера — это музыка или театр? Немало перьев было сломано, чтобы доказать: и то, и другое. Так и живет опера вот уже четыре столетия — то невозможно слушать, то не хочется смотреть. Спасает, как всегда, золотая середина. Поэтому публика будет отбивать руки от восторга, что и произошло на геликоновской «Аиде», или, как в Большом, после нескольких восторженных хлопков поспешит в гардероб. Если же пение, режиссура и актерская игра достойны друг друга — это уже шедевр, претендующий на сенсационность. Хрестоматийный пример — «Травиата» в постановке Франко Джеффрелли с Гласидо Доминго и Терезой Стратас.

К созданию шедевров ни один театр в одиночку подступиться не может: здесь нужны усилия мировой музыкальной элиты, что с успехом демонстрируют «транснациональные оперные корпорации». Российские же театры не могут ориентироваться на звездный состав — у нас вся надежда на таланты, которыми пока еще богата страна, несмотря на маренозные «утечки мозгов и голосов». Только не стал ли Большой невольным «зеркалом второй русской революции», когда «старая гвардия» привычными методами руководства пытается наладить новую жизнь?

Похоже, что театр одолевают недуги, которыми он страдает многие годы: консервативно-классический репертуар, гигантски разросшаяся труппа, громоздкий управленческий аппарат. Неповоротливый ржавый корабль в бурных водах современной оперы...

Будущее покажет, умер ли этот «король» российской оперы, или у него есть еще шанс возродиться. Пока же, слава Богу, наследники имеются, и оперное дело вне опасности. В Москве появился незаурядный молодой театр «Геликон», в Петербурге блистает признанный во всем мире Мариинский театр, консерватории растят певцов и дирижеров, театральные вузы обучают оперных режиссеров — так, может быть, «да здравствует новый король»? Жизнь театров, увы, коротка, а опера, будем надеяться, вечна.

Дина КИРНАРСКАЯ

«Аида» в Большом

Полетта дьо Вон — Аида
в «Геликоне»

Владимир СТИГОВИЧ